

Кудрявцева Н. Б.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/52.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 124-125. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Данные формы воплощаются в разных прагматических ролях, которые берут на себя критики-символисты.

Список использованной литературы

1. **Руженцева Н.Б.** Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века / Н.Б. Руженцева: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 38 с.
2. **Максимов Д.Е.** Поэзия и проза А. Блока / Д.Е. Максимов. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 526 с.
3. **Мережковский Д.С.** Эстетика и критика. В 2-х тт. Т. 1. – М.-Харьков: Искусство, СП «Фолио», 1994. – 672 с.
4. **Гиппиус З.Н.** Собрание сочинений. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899-1916 гг. / З.Н. Гиппиус. – М.: Русская книга, 2003. – 528 с.
5. **Паolini М.** Критическая проза З. Гиппиус (1899-1918) / М. Паolini. Дис...канд. филол. наук. – М., 2003. – 240 с.
6. **Белый А.** Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2-х томах. Т. 1 / А. Белый. – М.: Искусство, 1994. – 478 с.
7. **Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н.** 14 декабря. Дмитрий Мережковский. – М.: Московский рабочий, 1991. – 523 с.
8. **Штейнгольд А.М.** Анатомия литературной критики (Природа, структура, поэтика) / А.М. Штейнгольд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 202 с.
9. **Сологуб Ф.** Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2. Мелкий бес: Роман. Рассказы. Сказки. Статьи. – М.: НПК «Интел-вак», 2001. – 624 с.
10. **Волошин М.** Лики творчества / М. Волошин. – Л.: Наука, 1988. – 848 с. (Литературные памятники).
11. **Пильд Л.** Мережковский и Тургенев / Л. Пильд // Русская литература. – 1988. - № 1. – С. 16-34.
12. **Андреевский С.А.** Книга о смерти / С.А. Андреевский. – М.: Наука, 2005. – 671 с.
13. **Бачеева О.Б.** М. Волошин и В. Брюсов: литературно-критический диалог. Автореф. дис...канд. филол. наук / О.Б. Бачеева. – Тюмень, 2004. – 24 с.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кудрявцева Н. Б.

Московский государственный лингвистический университет

Начавшиеся в 70-80-х годах прошлого века и происходящие до сих пор изменения в парадигме современного языкознания выражаются в увеличении в его общем континууме антропоцентрического направления, что, с одной стороны, влечет за собой освоение новых научных сфер, а с другой – переосмысление старых теоретических аксиом и устоявшихся постулатов. Стимулом для такого сдвига научного интереса является сформировавшаяся в обществе потребность в изучении не абстрактных, очищенных от конкретных условий общения формул и структур, а информации, учитывающей в максимальной степени феномен жизни человека со всеми его характеристиками. Это не может не приводить к интенсивному взаимодействию гуманитарных дисциплин, одной из точек соприкосновения которых является изучение дискурса.

Однако расширение сферы междисциплинарных исследований, связанных с изучением дискурса, в свою очередь, обуславливает «обратное действие» – постановку вопроса о границах лингвистики и правомерности выбора того или иного объекта в качестве предмета лингвистического анализа. Эксплицитные рассуждения на эту тему представлены в статье А. Е. Кибрика «Лингвистические постулаты», где автор пишет следующее: «Трудно представить себе более кастовую и масонскую науку, чем лингвистика. Лингвисты постоянно от чего-то отмежеваются. Любимый их способ уничтожить идейного противника – это заявить: «Это не лингвистика». Самовоздержание бывает очень полезно: оно увеличивает жизненную силу, направляя её в концентрированных дозах на один конкретный объект, но это лишь временное ограничение, тактическая уловка, а не суть дела, не природа вещей. Известно, что лингвистика последних десятилетий характеризовалась неуклонным расширением сферы своего влияния: от фонетики к фонологии, от морфологии к синтаксису, а затем к семантике, от предложения к тексту, от теоретического языкознания к прикладному. То, что считалось нелингвистикой на одном этапе, включалось в неё на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным. В целом он направлен в сторону снятия априорно постулированных ограничений на занятие такими языковыми феноменами, которые считались недостаточно формальными и наблюдаемыми. И каждый раз снятие очередных ограничений давало новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям. Обнаруживались новые, не замечавшиеся ранее связи, обогащалось и вместе с тем упрощалось представление о языке» [Кибрик 1983:27-28]. Таким образом, современное понимание функциональных границ лингвистического знания может быть сформулировано в виде постулата: «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, там же].

Аналогичные мысли высказывает О. С. Иссерс в своей работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи». Автор утверждает, что лингвистическая прагматика и анализ дискурса, активно развивающиеся в последнее время, отличаются от традиционных (структуралистских) концепций методами верификации результатов. В частности, в дискурсивной лингвистике, в силу её междисциплинарного характера, верификация переносится в смежные области – в сферу психологии, социологии, философии и т.п. Непосредственную роль здесь играет и интуиция исследователя. Это обуславливает существенно бóльшую, по срав-

нению с другими лингвистическими теориями, субъективность результатов. Однако значимость дискурсивных моделей заключается не в стопроцентном соответствии реальным языковым процессам, а в самой возможности правдоподобно объяснить то, что не поддается или плохо поддается объяснению другими методами [Иссерс 2003:20].

В.Г.Гак полностью разделяет данную точку зрения, подчёркивая, что новый подход к изучению языкового материала не снижает уровень лингвистического анализа, а, напротив, делает его более глубоким и содержательным. Например, это касается реляционных элементов, которые обозначаются в современной лингвистике терминами «дискурсивные слова» или «коннекторы». В качестве подобных реляционных элементов могут выступать самые разнообразные единицы: сочинительные и подчинительные союзы, наречия, частицы, синтаксические конструкции. Дискурсивная лингвистика открывает новые возможности и перспективы для их исследования, побуждая обращать внимание на явления, которые в традиционной лингвистике зачастую игнорировались. Действительно, многие из этих элементов, без которых не строится ни одно высказывание, вообще не изучались с необходимой глубиной. Причина подобного положения вещей состоит в том, что они распределяются по разным частям речи и поэтому всегда рассматривались разрозненно. Таким образом, их функциональная общность и специфика оказывались невыявленными. В.Г.Гак приводит в этой связи пример с французскими причинными союзами *car* и *puisque*. Во многих контекстах они синонимичны и взаимозаменяемы: *Sortons car/ puisque'il fait beau*. Однако, в микродиалоге *X: Ce qu'il fait beau aujourd'hui! Y: Eh bien, sortons, puisque'il fait beau* союз *puisque* более приемлем, тогда как *car* менее допустим, по крайней мере без иронической интонации. О. Дюкро объясняет данное обстоятельство тем, что *car* выражает совпадение говорящего и источника информации, в то время как *puisque* может выражать причинную связь и при их расхождении (что имеет место во втором случае) [Ducrot 1980:47-50]. В таком ракурсе, пишет В.Г.Гак, союзы в традиционной грамматике не исследуются [Гак 1998:559-560].

В настоящее время работы, посвящённые анализу дискурса, настолько многочисленны и разнообразны, что можно выделить, вслед за П. Серию, по крайней мере, восемь групп определений данного понятия: 1) эквивалент понятия речь в сосюрвовском смысле; 2) единица, по размеру превосходящая предложение; 3) воздействие высказывания на его получателя с учётом коммуникативной ситуации; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое, согласно Э. Бенвенисту, не учитывает такую позицию; 6) употребление единиц языка, их актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний (феминистский, административный и т.д.); 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследования условий производства текста [Серио 1999:26-27].

В настоящем исследовании под дискурсом понимается не только продукт речевой деятельности (то есть текст), но и процесс его создания, который определяется экстралингвистическими факторами (контекстом и условиями общения, а также психологическими, социальными и другими характеристиками коммуникантов). Сама стратегия речевого взаимодействия собеседников, тип, форма и содержание создаваемых ими текстов предопределены данным контекстом и целями общения. Поэтому дискурс является не только образцом реализации определенного смысла, но прежде всего образцом реализации определенных коммуникативных намерений, а также речевого и неречевого поведения в конкретной ситуации общения [Кудрявцева 2006:11].

Таким образом, анализ дискурса самым существенным образом способствует укреплению междисциплинарных связей (с социологией, психологией, философией, этнографией и т.д.). Одной своей стороной дискурс обращён к прагматической ситуации, которая привлекается для определения его связности и коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. Другой своей стороной дискурс обращён к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях, определяющих необходимый темп речи, степень её связности, соотношение общего и конкретного, нового и известного, субъективного и объективного, эксплицитного и имплицитного и т.д.

Список использованной литературы

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры. – М.: 1998. – 764 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС, 2003. – 286 с.
3. Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты // Тр. Тартуского гос. ун-та. – 1983. – Вып. 621. – С. 24-39.
4. Кудрявцева Н.Б. Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка. – М.: МГЛУ, 2006. – 168 с.
5. Серио П. Как читают французы // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12-53.
6. Ducrot O., al. Les mots du discours. – P. : Minuit, 1980. – 241 p.